

Федор Поляков

“Неумолимо–светлая личность”: Воспоминание о детстве в письмах Эллиса к Николаю Зарецкому

“An Inexorably Radiant Individual”: Memories of Childhood in Ellis’s Letters to Nikolai Zaretskii

The present article offers three textual fragments of the hitherto unpublished letters by the well-known Russian symbolist poet, literary historian and translator Ellis (Lev Kobylinskii) to the book illustrator Nikolai Zaretskii. The texts commented here show in detail Ellis’s insights into his early literary interests through an autobiographical perspective. Ellis’s memories are related to several people from his own literary circle who were also alumni of the gymnasium led by his real father, the prominent Moscow pedagogue and Pushkinist Lev Polivanov – notably Valerii Briusov, Andrei Bely and Sergei Solov’ev. The information obtained from the epistolographic sources presented in this paper reveal a new perspective on Ellis’s traumatic feelings caused by being an illegitimate child.

В нашей заметке публикуются фрагменты из подготовленных нами к печати писем символиста Льва Кобылинского–Эллиса (1879–1947) к художнику Николаю Зарецкому (1876–1959), в которых Эллис вспоминает свои ранние детские годы¹. Адресат писем – страстный пушкинист, к тому же с

‘пушкинской’ фамилией, был одним из организаторов Пушкинской выставки в Праге (1932 г.). Зарецкий также оказывал Эллису содействие в получении книг из фондов пражской Славянской библиотеки. Эпистолярные воспоминания Эллиса были вызваны актуализацией памяти об отце, педагоге Льве Ивановиче Поливанове, авторе трудов о Пушкине и Жуковском, в связи с его собственными историко–литературными заня-

¹ New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture [далее – BAR], Nikolai Vasil’evich Zaretskii Papers.

тиями схожей тематики: в это время Эллис опубликовал книгу о Жуковском (Анисимова 2015: 188–214) и приступил к работе над книгой о Пушкине (Поляков 2001).

Обратимся к фрагментам переписки: ответные письма Зарецкого к Эллису, к сожалению, не сохранились, но можно предположить, что его доброжелательное предложение поддержки и разного рода информация о пражских делах и общих знакомых определенно подействовали на его корреспондента, жаждущего общения с людьми, которые имели хотя бы опосредованное отношение к его кругу. По этой причине Эллис, реагируя к тому же на энтузиазм Зарецкого–пушкиниста, чувствовал необходимость для себя сообщить ему о своем во все не ‘юбилейном’ и внешнем интересе, но о подлинной преданности Пушкинскому наследию.

1. Фрагмент письма Эллиса к Зарецкому от 14 августа 1933 г.

Известный ценитель А. Пушкина – Лев Иванович Поливанов мой ближайший родственник, я был воспитан им на место [sic] отца. Я

привык с ранних лет детства к этому имени-молнии, к Его облику и звуку Его стихов. Закрыв глаза я вижу себя ребенком 7 лет, уже декламирующим “Вьются тучи” – “Что за яблочко!”. Я буквально вешал Его портрет рядом со Св. Сергием. Я написал свои первые стихи и сказки в 8-летнем возрасте, посвящая их Ему. Первая моя любовь пережита была с его стихами неразрывно.

Потом я покинул Его, предавшись Марксу и революции, дойдя до пустыни отчаяния. Тогда явился Baudelaire, которого я перевел 5 раз, символизм, В. Брюсов, «Весы», etc.

Валерий Яковлевич любил А. Пушкина, но не теплой, душевной, русскою любовью, как Лев Иванович Поливанов, от которого между прочим перенял пушкинство и В.Я. Брюсов, как он это мне сам рассказывал². Он был “поливановец”, а это было

² Об отношениях Льва Поливанова и Валерия Брюсова см. подробнее комментарий С.И. Гиндина: Брюсов 1991: 630–631; Анисимова 2015: 195–198.

снова как бы отражением “царскосельского лицеизма”³. “Поливановцы” съезжались со всей России в данные сроки и обедали в присутствии Льва Ивановича оставаясь вместе до глубокой ночи⁴. Эти беседы вращались около А. Пушкина по преимуществу.

2. Фрагмент письма Эллиса к Зарецкому от 13 февраля 1935 г.

В виду того, что я не без веских оснований посвящаю свой новый опыт о А. Пушкине с чувством благодарности Л.И. По-

ливанову, сообщение о его автографах (из его кабинета над “Поливановской гимназией”) меня живо тронуло и обрадовало⁵. Ведь этому замечательному и неумолимо-светлому, великому русскому гуманисту и педагогу я обязан бесконечно многим. Он был мне и воспитателем, и вторым отцом. С 7 летнего возраста воспитал он во мне почитание и любовь к Жуковскому и Пушкину. “Ундину” и “Рустема” впервые узнал его из его чтения, так же как и

³ Представляется, что такая аналогия имела в поливановском кругу некоторое распространение. М.А. Цявловский, написавший, в частности, работу о пушкинских исследованиях Брюсова (Цявловский 1924), в своем выступлении на втором вечере памяти Брюсова 9 февраля 1925 г. говорил, что “гимназия Поливанова в историческом обзоре символического направления в русской поэзии должна быть тем приблизительно, чем был Царскосельский лицей эпохи Пушкина” (комм. Е.А. Муравьевой, ср. Ашукин 1999: 137, прим. 2); см. также ссылку на печатный источник в комм. С.И. Гиндина: Брюсов 1991: 630–631.

⁴ См. также официальное положение о статусе “Общества бывших воспитанников Московской частной гимназии Л.И. Поливанов” (Устав 1895).

⁵ Поскольку письма Зарецкого к Эллису не сохранились, отождествить эти автографы и их местонахождение при отсутствии дополнительных данных не представляется возможным. По краткости замечания Эллиса также не ясно, имелись ли в виду какие-то бумаги Л.И. Поливанова, попавшие в Прагу, о чем мог знать Зарецкий, или в какое-то другое место (например, в Берлин), или имели ли они вообще отношение к пушкинским материалам (например, снятым Поливановым копиям с предоставленных для выставки 1880 г. письменных источников или к его заметкам и письмам).

Отметим упоминание в этом фрагменте директорского кабинета Поливанова в здании гимназии на Пречистенке (дом 32), очевидно знакомом Эллису. См. фотографию Поливанова в своем кабинете: Белый 2010: 59.

“Онегина”. Мои первые стихи скандировал он, отбивая ритм своим согнутым указательным перстом по столу и исправлял их своим бессмертным, огромным синим карандашом⁶. От него и В. Брюсов впитал любовь к Пушкину, хотя только внешнюю (к мастерству, а не к высшей, бессмертной личности его).

3. Фрагмент письма Эллиса к Зарецкому от 4 ноября 1935 г.

Я давно хотел Вас спросить, читали ли Вы книгу Б. Зайцева о И. Тургеневе?⁷ Я только недавно

прочел ее и с большим сочувствием. Превосходная книга! Образ Ивана С<ергеевича> встал живой передо мной. Я никогда не предполагал, что его беззаветная, романтически-фантастическая любовь к Полине Виардо была столь трагична. Б. Зайцев связывает даже историю ее измены с катастрофой Ф. Лаврецкого (в “Дворян<ском> гнезде”). Очень ярко описание болезни и снов Тургенева. Читаешь, и кажется “все это было вчера”, а вот вся война и революция – это было бесконечно давно. Впрочем, Тургенев и хронологически все же наш. Мой отец знал его лично⁸.

⁶ Синий карандаш Поливанова запомнился и Андрею Белому: “И это потому, что всякий жест Льва Ивановича – художественная, произвольно задуманная и непроизвольно проводимая педагогическая игра; и да: он не ставил баллы, а тыкал их в бальник огрызком толстого, синего карандаша, точно выковыривая в нем яму, когда это была двойка, великолепно влепляя пятерку, точно даря ею на ряд годин” (Белый 1989: 271).

⁷ Имеется в виду первое издание книги: Борис Зайцев, *Жизнь Тургенева*, УМСА-Press, Париж, 1932.

В локарнский период Эллис высоко ценил творчество Зайцева, переводил фрагменты его книг об Афоне и преп. Сергии Радонежском на немецкий и

использовал их в своей антологии о Святой Руси (Poljakov 2000: 25–27).

⁸ Личное общение и переписка Л.И. Поливанова с И.С. Тургеневым относится ко времени Пушкинского юбилея 1880 г. В собрании Поливанова находилось пять автографов Тургенева (в большинстве своем письма и записки к С.А. Юрьеву и Л.И. Поливанову), опубликованных Иваном Поливановым (1923: 335–338). О переписке Поливанова с Тургеневым (в связи с принадлежавшим ему перстнем – известным пушкинским *Талисманом*) свидетельствуют также рабочие пометы самого Поливанова (Нечаева 1983: 153).

Оригинал письма Тургенева к председателю ОЛРС С.А. Юрьеву из Спасского-Лутовинова, который попал к Л.И. Поливанову и находился в архиве последнего (опубликован с приложением факсимиле: Поливанов 1923: 335–336, № 1), пошел с торгов 9 октября 2014 г. на аукционе “В Никитском”, № 39 “Золотой век русской литературы. Весь Пушкин и его окружение”; воспроизведение этого автографа доступно по ссылке: <https://ru.bidspirit.com/portal/#!/lotPage/source/catalog/auction/189/lot/45239/>.

Следует отметить, что по данным каталога Зарецкого на пражской Пушкинской выставке 1932 г. среди экспонатов находилось еще какое-то *Письмо И.С. Тургенева председателю ‘Общества Любителей Российской Словесности’ С.А. Юрьеву (Zareckij 1932: с. 82, № 2936: Dopis I.S. Turgeneva predsedovi ‘Společnosti milovníků ruské slovesnosti’ S.A. Jur’evovi)*. Приведено в известность несколько писем Тургенева к Юрьеву (см. их перечень и публикацию в работе: Веселовский 1891: 272–276, а также Рейсер 1964: 400; Рейсер 1967: 719), однако пражский каталог не дает сведений о содержании или о дате письма (хотя наличие автографа, как в других случаях, было бы отмечено особо).

Во время своего пребывания в Москве Тургенев несколько раз встречался с Львом Поливановым, а также посещал любительский спектакль в его гимназии; ср. речь Поливанова 22 октября 1893 г. (Двадцатипятилетие 1893: 17):

Что эти спектакли возбуждали значительный интерес и имели свои достоинства исполнения – о том свидетельствуют и живое участие,

Для оценки сообщаемых Эллисом сведений нам предстоит вкратце коснуться одной из интимных сторон его биографии. На основании нескольких документальных и мемуарных свидетельств известно, что родные братья Кобылинские – Илья (*1876), Лев (*1879) и Сергей (*1882) – были незаконнорожденными сыновьями московского педагога и историка литературы Льва Ивановича Поливанова (1838–1899) – создателя знаменитой гимназии, автора учебников и литературоведческих исследований, председателя комиссии Общества Любителей Российской Словесности по подго-

которое принял в них покойный С.А. Юрьев, и многолетнее их существование, и неоднократное повторение исполнения каждой пьесы, и отзывы таких взыскательных знатоков искусства, каким был И.С. Тургенев, который смотрел наше исполнение *Генриха IV* и одобрил его.

См. об этом также: Сливцкий 1909 (часть очерка, посвященная Пушкинским торжествам 1880 г., первоначально была опубликована в «Московском Еженедельнике» за 1908 г., в № 44 и 46).

товке Пушкинского юбилея 1880 года⁹. Несмотря на лаконичность наших сведений о ранней биографии Элвиса в целом, можно, вероятно, составить представление о той тяжелой эмоциональной ситуации, в которой он оказывается в свои детские и юношеские годы, остро переживая свою социальную роль бастарда; несомненно, эта ситуация повлияла и на формирование его психической конституции в зрелые годы (Юнггрен 2008: 69–70).

Хронологическая канва семейной драмы Поливанова восстанавливается по письмам его жены Марии Александровны (урожд. Lockenberg, 1840–1921) к Ф.М. Достоевскому, отправленным с августа по

декабрь 1880 года¹⁰. События начали принимать трагическую окраску с лета 1874 года, после тринадцатилетней совместной жизни, когда М.А. Поливанова по чьей-то рекомендации для занятий с детьми пригласила в гувернантки “девушку из богатой дворянской семьи, знающую фр<анцузский> яз<ык> лучше русского, жившую в Париже и желавшую собственным трудом зарабатывать себе деньги”. Поливановой запомнились разговоры с ней о семейных узлах и практической эмансипации: “Она сказала мне, что у ней жених, но не верила в прочность любви, говорила, что брак безнравственное дело, что в нем человек постоянно сам себя насилует, что мужчины все одинаковы и что она берется всяко-

⁹ Willich 1996: 25–26; Поляков 1998; Юнггрен 2008. К формированию исследовательского профиля Поливанова ср.: Пиксанов 1924: 20–22. О Пушкинской выставке см.: [Булгаков] 1880: 323–328; Альбом 1882 (содержание расписано в библиографии: Межов 1886: 257, № 3825–3879). 2-ое издание альбома, вышедшее в Москве (Типография Т.И. Гаген, 1887), воспроизведено на сайте: <https://humus.livejournal.com/5998501.html>. Состав выставки, неполностью отразившийся в альбоме, дополняется за счет записей в архиве Поливанова: Нечаева 1983. См. также: Пиксанов 1924; Шмидт 2012: 267–268 и историко-культурный анализ событий в кн.: Левитт 1994.

¹⁰ Ипатова 1996: 262–276. Мария Поливанова происходила из семьи лютеранского священника Alexander Karl Lockenberg (1811–1875), Amburger 1998: 403; Erik-Amburger-Datenbank *Ausländer im vorrevolutionären Russland*, Nr. 95125 (<https://dokumente.ios-regens-burg.de/amburger/index.php?id=95125&mode=1>). На основании ее происхождения тогдашний гимназист Сергей Соловьев впоследствии назовет ее “очень полная седая немка” (цитата см. ниже).

му вскружить голову и завлечь его”¹¹.

Ко времени написания этого исповедального письма в семье Поливановых было, по словам Марии Поливановой, пятеро детей – “три девочки и два мальчика”. Один из упомянутых в письме мужских отпрысков – это второй по старшинству ребенок, Иван Львович (1867–1942), преподаватель и будущий директор отцовской гимназии¹². Про

¹¹ Ипатова 1996: 267. Мать братьев Кобылинских – Варвара Петровна Кобылинская (?–1907), выпускница Екатеринбургского института благородных девиц в Москве (см. комментарий Г.В. Нефедьева к публикации: Дурылин 2015: 314). Отношения Эллы с матерью кончились разрывом с ней (и с младшим братом Сергеем). Примечательна резкая антипатия Эллы к образованным женщинам в антропософской среде (Юнггрен 2001: 120, 124).

¹² Иван Поливанов закончил гимназию в 1895 г. и по окончании Историко-Филологического факультета Московского университета преподавал в ней; ср. Двадцатипятилетие 1893: 41, № 90: “Филолог. Учитель древних языков и русского языка и словесности”. По сведениям Е.А. Муравьевой в советское время И.Л. Поливанов – сотрудник библиотеки Румянцевского музея (1918–1922), с 1924 г. входил в подсекцию критики и литературоведения Государственной Академии художественных наук (ГАХН), с ноября 1927 г. состоял ее членом-корреспондентом (см. комментарий к публикации: Ашукин 1999: 137). По другим данным, на

второго своего сына и последнего ребенка Мария Поливанова пишет в августе 1880 г.: “После катастрофы осталась я беременной, и вот младшему сыну моему, Левушке, 5 лет”¹³. Это означает, что с конца 1870-х какое-то время в Москве жили сводные братья Лев Львович Поливанов и Лев Львович Кобылинский и что Лев Иванович Поливанов в

службу в Румянцевский музей Поливанов поступил 1 октября 1918 г. и был отчислен около апреля 1920 г. Добавим, что с 1921 г. ГАХН находилась в том же доме на Пречистенке, где ранее располагалась Поливановская гимназия. По адресным книгам Москвы выясняется, что по крайней мере до 1917 г. Поливанов проживал в Лопухинском переулке (дом 4), затем в справочнике 1926 г. (первое появление имени после 1917 г.) указан адрес Долгий пер. 14, кв. 11 и место работы – ГАХН. Ср. запись Н.С. Ашукина от 1 января 1926 г.: “Вечером пошел к Ивану Львовичу Поливанову, как назначил он. Живет он в Долгом переулке в уплотненной квартире [...]” (Ашукин 1999: 136). Еще одно и последнее упоминание в адресной книге *Вся Москва*, этом вскоре заглохшем справочном издании, появляется в 1927 г., с тем же местом проживания, но новым местом работы – Российский Исторический музей.

¹³ Ипатова 1996: 266. О Льве Львовиче Поливанове (1875–1943) сообщается лишь, что в 1901 г. он был причислен в звании корнета к 3-му драгунскому Новороссийскому полку и в том же году из него отчислен (<http://www.petergen.com/publ/novv3dgp3.shtml>).

обеих семьях имел тезоименитого себе сына.

Уход из семьи Льва Ивановича – как потом оказалось, частичный и временный – только усилил его обнаружившуюся с конца 1874 г. нестабильность: “От семьи своей он отстал, там не пристал, и вот он двоится без конца и даже и в прочих вопросах жизни” (Ипатова 1996: 267). Со своей стороны, в 1880 г. Варвара Кобылинская искала случая объяснить с Марией Поливановой, и при неожиданной встрече с ней в толпе после речи Достоевского на Пушкинских торжествах: “Она бросилась ко мне, обняла меня, целовала мои руки, говорила, что она очень несчастна, просила прощения или что-то в этом роде. Мне ее стало жаль невыразимо, и притом я знала, что все-таки она любит его в самом деле и глубоко [...]” (Ипатова 1996: 268). Знак последнего примирения – “ближе всех” – отмечен в воспоминаниях Сергея Соловьева:

Иван Львович стоял около гроба, откинув голову, здесь же была его мать, очень полная седая немка; сестра, сухая и остроносая, очень похожая на Льва Ивановича. Рядом с гробом, опустив

голову на грудь, стоял молодой человек, поддерживая даму в черном, с креповой вуалью на лице. С удивлением я узнал в нем Льва Кобылинского, того самого, который недавно просвещал меня на счет Hausindustrie. По-видимому, он приходился Поливанову каким-то родственником и, должно быть, близким, потому что и он, и его мать имели совсем убитый вид и стояли ближе всех к гробу¹⁴.

В тех же воспоминаниях встречается еще одна любопытная деталь (Соловьев 2003: 332):

В этом году брат нашего директора офицер Илья Львович, с которым я когда-то познакомился на балу у тети Нади, поступил к нам в гимназию младшим надзирателем и учителем гимнастики. Он оставил военную

¹⁴ Соловьев 2003: 227–228. Ср. также: “В Посаде отец открыл мне одну тайну. Он сообщил мне, что Лев Кобылинский – сын покойного директора Поливанова, и, следовательно, брат Ивана Львовича и дядя Маши [...]” (Соловьев 2003: 295).

службу, остепенился, и старший брат нашел возможным дать ему место надзирателя в той самой гимназии, из которой он был когда-то выгнан своим отцом за буйное поведение.

Вероятно, кости покойного Поливанова перевернулись в могиле при появлении в гимназии такого “надзирателя”. С нашим седьмым классом Илья Львович поставил себя на дружескую ногу: с некоторыми учениками он потихоньку ездил кутить; очевидно, подозревая о моем отношении к его племяннице, он решил способствовать нашему сближению [...]

Поскольку по свидетельству Марии Поливановой у нее было двое сыновей, Иван и Лев, здесь речь может идти только об Илье Львовиче Кобылинском, сводном брате нового директора гимназии Ивана Львовича Поливанова; мемуаристу степень их родственной близости осталась не вполне понятной. Однако, если исключить какую-либо неточность, мы узнаем из этого описания и о военной карьере старшего брата Кобылинского, и о его бурном гимназиче-

ском прошлом, причем, что интересно, в той же самой Поливановской гимназии. Это примечательно в том смысле, что, как считается по отношению к Эллису, он не попал в гимназию своего отца по соображениям этического характера. Возможно, эти соображения были только усилены предыдущим опытом с его старшим братом.

Хотя личность Поливанова сыграла значительную роль в духовном развитии в ранние годы также Валерия Брюсова и Сергея Соловьева (мы упоминаем этих выпускников Поливановской гимназии ввиду их связи с Эллисом), однако наиболее подробные сведения о степени его влияния выявлены по отношению к Андрею Белому. Общение Белого с Поливановым, “воспитанника” с наставником, по правилам иерархии, началось с поступления в гимназию в 1891 г. и вплоть до ее окончания в год смерти Поливанова – с непрекращающимся восторгом “с первого до восьмого класса гимназии” (Белый 2016: 917). Автобиографические описания Белого настолько детальны, что позволяют выделить и событийность внешнего образования:

Учился я в частной гимназии Л.И. Поливанова, которую и окончил в 1899 году. Личность покойного Поливанова незабываема; она ярко светит мне сквозь всю жизнь; Поливанов был воистину ‘вдохновителем’: шекспирот, пушкинист, пылко влюбленный в поэзию, романтик в прекрасном смысле этого слова, почти гениальный педагог с живою моральной фантазией, он был любим всеми, кто приходил с ним в соприкосновение; в нем не было ничего от трафарета; его бранным словом было слово «казенщина». Ему я обязан любовью к Шекспиру, Жуковскому, Пушкину, к поэтике Аристотеля, к драмам Софокла и Эврипида. Но особенно хорошо он умел выгравировать в душе памятники древнерусской словесности; наше с ним чтение *Слова о Полку Игореве* было воистину художественным творчеством его: он навеки мне в душе изваял это Слово. И с ним навсегда изваял любовь к стихии народной речи (Белый 2016: 23),

– и рефлексию, затрагивающую мировоззренческие основы:

[...] с той поры начинается наше частое посещение с Сергеем Михайловичем Соловьевым ‘Девичьего Монастыря’. Мы обходим могилы покойных Л.И. Поливанова и В.С. Соловьева; оба для нас играли огромную роль в жизни; оба для меня – ‘учителя’; обоих их сплетает память в нечто фантастическое; мы мифизируем их могилы [...] (Белый 2016: 56).

Свидетельство отношения Владимира Соловьева к Льву Поливанову, под воздействием общения с “поливановцем” Львом Лопатиным, представлено в некрологе, написанном Соловьевым для «Вестника Европы» (1899, № 3, с. 421–422; Соловьев 1913: 420–421), и это отношение для молодого поколения символистов, имевших возможность назвать Поливанова “учителем”, рядом с именем Соловьева, несомненно было совершенно особым знаком их биографических сопряжений. Впоследствии в письме к Иванову–Разумнику Белый вспоминает: “Вы спра-

шиваете, кто такой *Барс Иванович*; это образ Льва Ивановича Поливанова, моего директора; мы с товарищем (Соловьевым) очень его любили и уже юношами, вспоминая гимназию, фантазировали на самые невероятные темы, заставляли Поливанова вставать из могилы и вмешиваться в события жизни [...]”¹⁵. Понятно, что и личность Эллиса, его друга, столь непримиримо разошедшегося с ним впоследствии, могла интересо-

¹⁵ Письмо из Дорнаха от 7/20 ноября 1915 г. (Лавров 1995: 71; Белый, Иванов-Разумник 1998, с. 54, № 10, 58). Согласно замечанию Белого в связи с выходом его 2-ой симфонии в апреле 1902 г.: “симфония’ нравится Эллису [...] Решительный разговор с Эллисом, или начало нашей интимной дружбы с ним [...]” (комментарий Джона Малмстада в: Эллис 2003: с. 402, прим. 10). Смерть Поливанова получила отражение в творчестве Белого (Лавров 1995: 46–47). Литературная и биографическая альтернатива образа Поливанова (во 2-ой симфонии, романе *Москва* и первой части мемуарной трилогии *Между двух революций*) подчеркивается А.В. Лавровым (Лавров 2007: 225; ср. также параллель между Белым и Пастернаком: Лавров 2007: 326–327). Воображение Белого также занимало и происхождение Эллиса; оно послужило Белому ассоциативным фоном для различных сюжетных коллизий, в том числе и в романе *Петербург* (Ljunggren 1982: 66; Глуховская 2012; Ljunggren 2015). Один из эпизодов их взаимоотношений также освещен в работе: Глухова 2017.

вать Белого не только по причине близости их духовных устремлений или общности литературных задач, но и по отношению к его отмеченному тайной происхождению. Однако рассказывая подробно о Поливанове в своих воспоминаниях, Андрей Белый лишь вскользь упоминает обстоятельства его семейной жизни, в том числе и в связи с Эллисом – в тех двух случаях, когда повествование близко подходит к границам этой темы. В одном месте мемуаров, обсуждая актуальный для советского мировоззрения вопрос о социальном происхождении символистов, он отмечает: “Я – сын крупного математика, вылез на свет из квартир, переполненных разговорами о Дарвине, Спенсере, Милле; Блок – сын профессора, внук известнейшего ботаника, профессора же, женатый на дочери профессора Менделеева; Эллис – побочный сын известнейшего московского педагога; С.М. Соловьев – внук знаменитого историка Соловьева (профессора же) [...]”¹⁶. Эти сведения формально ано-

¹⁶ Белый 1989: 204; ср. в том же контексте, но в более расплывчатой записи П.Н. Зайцева (Зайцев 2008: 114): Эллис – “побочный сын директора Поливановской гимназии на Пречистенке”.

нимны и в структурном отношении не выделены. Точно так же в другом месте он очевидно избегает прямого отождествления и описывает отношение Эллиса к Поливанову не в генеалогическом, а в эмоциональном ключе, что (как и в предыдущем случае) уравнивает всех упоминаемых здесь лиц (Белый 1989: 311–312):

Если бы Поливанову в 1895 году рассказывать, что очень любимый, ценный им и близко знакомый Лев Львович Кобылинский (тогда гимназист казенной гимназии) двояко его ушибет (во-первых, – марксизмом, и, во-вторых, – символизмом), как “Эллис”, что воспитанник Бугаев и воспитанник С.М. Соловьев, которым оказывал он внимание, станут тоже “символистами”, объединяясь вокруг Брюсова–ломаки, – он ахнул бы.

На эмоционально травмированное восприятие Эллисом своего отца, связанного с творчеством и наследием Пушкина, накладываются воспоминания детства. Поэтому,

надо полагать, и появляется (весьма парадоксальное) противопоставление пушкинизма Поливанова и пушкинизма Брюсова как оппозиция эмоционального заряда (“русской любви”) с одной стороны и формально–литературоведческого анализа – с другой¹⁷. За пределами этого ретроспективного взгляда Эллиса на себя такая антиномия едва ли может быть безоговорочно принята, особенно с учетом действительного значения пушкиноведческих работ Брюсова, но для биографии Эллиса она существенна благодаря очерчиванию, повторному проведению границ его интимного воспоминания. Поскольку Зарецкий, погружаясь в пушкиноведческую литературу и занимаясь созданием выставочных исторических реконструкций, несомненно, имел вполне яс-

¹⁷ Эмоциональный фон подчеркивается и метафорикой из области сакрального, как в фрагменте № 1 или в описании его друга из круга ‘Молодого Мусажета’ Сергея Дурылина: “Вышедший из семьи, где перед кутиром Пушкина чуть-ли не теплили лампаду [...]” (в примечании: “Он был внебрачным сыном Л.И. Поливанова, известного редактора комментированного *Собрания сочинений Пушкина для юношества*”) (Дурылин 2015: 280). Вероятно, о таких “семейных обстоятельствах” Дурылин мог узнать только от самого Эллиса.

ное представление, кем являлся Лев Иванович Поливанов, то Эллис посчитал нужным зашифровать их отношения указанием на родственную связь; напротив, ссылка на знакомство его отца с Тургеневым не дает никакой ключевой информации по отношению к тому, что оставалось для Эллиса эмоционально существенным. Как мы видим, что и спустя десятилетия после смерти отца Эллис чувствительно относился к тайне своего происхождения. Напротив, своим друзьям и знакомым из Германии и Швейцарии он мог совершенно нейтрально сообщать о том, что его отец был пушкинистом (Poljakov 2000: 44, 71; Поляков 2001: 279, с упоминанием воспитания с семилетнего возраста “в Пушкинском смысле”, – см. в фрагменте № 2 выше).

Утверждение Сергея Дурылина, основанное на московских впечатлениях, о том, что Лев Львович Кобылинский “был внебрачный сын Льва Ивановича Поливанова, известного пушкиниста и педагога, автора книги о Жуковском.

Но Пушкина он не любил, – и как поэт, мыслитель, человек пошел не за отцом, а за матерью своей, происходившей из знатного польского рода, ка-

толичкой”. (Дурылин 2015а: 401) – не соответствует мировоззренческому направлению Эллиса в локарнский период его жизни и, строго говоря, прямо противоположно новому путеводным звездам Эллиса. Его интерес к католической средневековой западноевропейской культуре, а затем и обращение в католицизм не связано с польскими корнями его матери. Отвержение Эллисом Пушкина – вероятно, рецидив полемической риторики, вроде высказывания в его письме к Дурылину от 21 ноября 1909 г.: “[...] У нас же в России Лермонтов и Фет, великие освободители от внешней лирики Пушкина, этого врага всякого символизма” (Нефедьев 2010: 132), имеющий свои определенные гносеологические основы. Тезис В.М. Жирмунского в работе *Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования*: “[...] русские символисты являются представителями неоромантической поэтики. Символизм в России не был связан с поэтическим наследием Пушкина [...]” (Жирмунский 1977: 202) – сохраняет свое значение для определения русского символизма как ‘неоромантического’ направления. Этот тезис может быть

расширен с учетом изменившегося отношения к Пушкинскому наследию в модифицированной традиции символизма за пределами 'Серебряного века' (т.н. 'метасимволизм'), а именно в условиях эмиграции и поиска путей адаптации к различным доминирующим культурным контекстам (в случае Эллиса – к немецкоязычному). Пушкинское наследие и 'пушкинизм' – метаязыковой культурный код – включены Эллисом не только в описание своей традиции, но и в его автобиографическую версию. С точки зрения символистского мировоззрения, т.е. прежнего, утраченного времени, такая двойная кодировка представляла собой несомненную житнетворческую ценность¹⁸.

¹⁸ За помощь при подготовке статьи искренне благодарим Николая Богомолова (Москва), Елену Глухову (Москва), Татьяну Чеботареву (Нью-Йорк) и Магнуса Юнгрена (Стокгольм).

Библиография

Альбом 1882: *Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 г.* Издание Общества Любителей Российской Словесности, под ред. Льва Поливанова. 1) Биографический очерк А.С. Пушкина. Сост. А.А. Венкштерн. 2) 62 фотогравюры и фотолитографии художника М.М. Панова и три полтипажа. 3) Приложения, Типография М. Лаврова и Комп., М., 1882.

Анисимова 2015: Е.Е. Анисимова, *Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века*, Красноярск, 2015.

Ашукин 1999: Н.С. Ашукин, *Заметки о виденном и слышанном*, публ. и коммент. Е.А. Муравьевой (Продолжение), «Новое литературное обозрение», 1999, 36, с. 136–164.

Белый 1989: Андрей Белый, *На рубеже двух столетий*, вступ. ст., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова, Художественная литература, М., 1989.

Белый, Иванов–Разумник 1998: Андрей Белый и Иванов–Разумник, *Переписка*, публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста А.В. Лаврова, Т.В. Павловой и Дж. Мальмстада, Atheneum – Феникс, СПб., 1998.

Белый 2010: Андрей Белый, *Линия жизни*, сост.: И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак, Государственный музей А.С. Пушкина, Государственный литературный музей, Российский государственный архив литературы и искусства, М., 2010.

Белый 2016: Андрей Белый, *Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930–х годов*, сост.: А.В. Лавров и Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак, Наука, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Брюсов 1991: *Письма из рабочих тетрадей (1893–1899)*, вступ. ст., публ. и комм. С.И. Гиндина // Н.А. Трифонов (отв. ред.), *Валерий Брюсов и его корреспонденты*. Книга первая, Наука, М., 1991, с. 555–828 (Литературное наследство, т. 98/1).

[Булгаков] 1880: Ф.Б. [Федор Булгаков], *Венок на памятник Пушкину. Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине*, Типография и хромофотография А. Траншеля, СПб., 1880.

Веселовский 1891: *Отрывки из старой переписки, с пояснениями Алексея Веселовского // В память С.А. Юрьева. Сборник изданный друзьями покойного*, Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, М., 1891, с. 270–295 (http://нэб.рф/catalog/006001_000118_6/viewer/?page=282).

Глухова 2017: Е.В. Глухова, *Андрей Белый и переводы Эллиса из Верхарна*, «Литературный факт», 2017, 4, с. 208–224.

Глуховская 2012: Е.А. Глуховская, *Знакомый незнакомец, или о возможном присутствии Эллиса в романе Андрея Белого “Петербург” // Седьмая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы*. 2-е издание, исправленное и дополненное, Свое издательство, СПб., 2012, с. 138–148.

Двадцатипятилетие 1893: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым. 1868–1893*. М., 1893 (<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32156#mode/inspect/page/1/zoom/5>).

Дурылин 2015: С.Н. Дурылин, *Бодлэр в русском символизме*, публ. и комм. Г.В. Нефедьева // Резниченко 2015, с. 261–327.

Дурылин 2015а: С.Н. Дурылин, *Комментарии к “Антологии”*, публ. и комм. М.Ю. Гоголина и А.И. Резниченко // Резниченко 2015, с. 347–410.

Жирмунский 1977: В.М. Жирмунский, *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*, Наука, Л., 1977.

Зайцев 2008: П.Н. Зайцев, *Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи*, сост.: М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак, Новое Литературное Обозрение, М., 2008.

Ипатов 1996: *Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А.О. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова, подг. текстов и комм. С.А. Ипатовой // Достоевский. Материалы и исследования*, Наука, СПб., 1996, с. 247–276.

Лавров 1995: А.В. Лавров, *Андрей Белый в 1900–е годы. Жизнь и литературная деятельность*, Новое Литературное Обозрение, М., 1995 (Научное приложение, IV).

Лавров 2007: А.В. Лавров, *Андрей Белый: Разыскания и этюды*, Новое литературное обозрение, М., 2007 (Научное приложение, LXVI).

Левитт 1994: Маркус Ч. Левитт, *Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года*, пер. с англ. И.Н. Владимирова, В.Д. Рака, Академический проект, СПб., 1994.

Межов 1886: В.И. Межов, *Puschkiniana: Библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства*, Издание Императорского Александровского Лицея, СПб., 1886 (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/meg/meg1001-.htm>).

Нефедьев 2010: Г.В. Нефедьев, *“Моя душа раскрылась для всего чудесного...”* // А. Резниченко (сост., ред.), С.Н. Дурылин и его время. Кн. 1: Исследования, Модест Колеров, М., 2010, с. 113–158.

Нечаева 1983: Н.С. Нечаева, *Московская Пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л.И. Поливанова)* // *Временник Пушкинской комиссии 1980*, Наука, Л., 1983, с. 146–155 (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-146-.htm>).

Пиксанов 1924: Н.К. Пиксанов, *Пушкин и Общество любителей российской словесности* // Н.К. Пиксанов (ред.), *Пушкин. Сборник первый*, Государственное издательство, М., 1924, с. 1–30.

Поливанов 1923: И.Л. Поливанов, *Из архива Л.И. Поливанова, «Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук»*, 1923, 1, с. 311–341 (<https://vivaldi.nlr.ru/pt000014927/view#page=15>).

Поляков 1998: Федор Поляков, *Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского)* // Schamma Schahadat (Hrsg.), *Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв.*, Verlag Otto Sagner, München, 1998, с. 125–139 (*Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники*, 3).

Поляков 2001: Федор Поляков, *Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.)* // *Диаспора II. Новые материалы*, Феникс, СПб., 2001, с. 269–290.

Резниченко 2015: А.И. Резниченко (сост.), *Книгоиздательство “Мусaget”: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы*, РГГУ, М., 2015.

Рейсер 1964: С.А. Рейсер, *Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // *Из парижского архива И.С. Тургенева. Книга вторая. Из неизданной переписки*, Наука, М., 1964, с. 357–411 (*Литературное наследство*, т. 73/2).

Рейсер 1967: *Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // И.С. Тургенев. *Новые материалы и исследования*, Наука, М., 1967, с. 705–722 (*Литературное наследство*, т. 76).

Сливицкий 1909: А.М. Сливицкий, *Лев Иванович Поливанов по личным моим воспоминаниям и по его письмам* // *Памяти Л.И.*

Поливанова (К 10-летию его кончины), Общество бывших воспитанников гимназии Л.И. Поливанова, М., 1909, с. 42–152.

Соловьев 1913: *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева*, под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова, Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”, С.-Петербург, 2-ое издание, т. IX, 1913.

Соловьев 2003: С.М. Соловьев, *Воспоминания*, Новое Литературное Обозрение, М., 2003.

Устав 1895: *Устав Общества бывших воспитанников Московской частной гимназии Л.И. Поливанова*, Типография М.Г. Волчанинова, М., 1895 (<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003671181#?page=1>).

Шмидт 2012: С.О. Шмидт, *Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г.* // С.О. Шмидт, *После 75. Работы 1997–2001 годов*, РГГУ, М., 2012, с. 254–300.

Цявловский 1924: М.А. Цявловский, *Брюсов–пушкинист* // П.С. Коган (ред.), *Валерию Брюсову. 1873–1923. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта*, КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, М., 1924, с. 31–37.

Эллис 2003: *Воспоминания “фанатика и скептика”. Эллис об Андрее Белом*, пред., публ. и комм. Дж. Малмстада // *Писатели символистского круга. Новые материалы*, Дмитрий Буланин, СПб., 2003, с. 385–407.

Юнггрен 2001: Магнус Юнггрен, *Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера*, Академический проект, СПб., 2001.

Юнггрен 2008: Магнус Юнггрен, *Эллис и доктор Кобилински – символист с двумя карьерами* // М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, И.Б. Делекторская (сост.), *Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения*, Наука, М., 2008, с. 67–80.

Amburger 1998: Erik Amburger, *Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon*, Institut & Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, Martin-Luther-Verlag, Lüneburg–Erlangen, 1998.

Ljunggren 1982: Magnus Ljunggren, *The Dream of Rebirth. A Study of Andrei Belyj's Novel Peterburg*, Almqvist & Wiksell International, Stockholm, 1982.

Ljunggren 2015: Magnus Ljunggren, *Peterburg – Ellis' “Most Important Work”* // «Toronto Slavic Quarterly», 54, 2015 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/54/Ljunggren.pdf>).

Poljakov 2000: Fedor B. Poljakov, *Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Éllis im Tessiner Exil. Forschungen – Texte – Kommentare*. Böhlau Verlag, Köln–Weimar–Wien, 2000 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, N.F., Reihe A, 29).

Willich 1996: Heide Willich, *Lev L. Kobylinskij-Éllis: Vom Symbolismus zur ars sacra. Eine Studie über Leben und Werk*, Verlag Otto Sagner, München, 1996 (Slavistische Beiträge, 341).

Zareckij 1932: *Výstava "Puškin a jeho doba" pořádaná v budově Národního musea v Praze v březnu roku 1932 pod protektorátem Rady hlav. města Prahy a Národní rady československé Slovanským ústavem v Praze*, Katalog části obrazové N.V. Zarěckij, Přeložila Žofie Pohorecká za red. Stanislava Petíry, Slovanský ústav, Praha, 1932.

